

- ²⁶ См.: Педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 1997. С. 134; Терехов А.Н. Деятельность коллектива исторического факультета Ленинградского государственного института им. А.И. Герцена в Кыштыме Челябинской области // Роль Урала как арсенала Победы. Челябинск, 2000. С. 154.
- ²⁷ См.: Челябинский государственный педагогический университет. Челябинск, 2004. С. 84.
- ²⁸ См.: Сперанский А.В. Указ. соч. С. 52.
- ²⁹ Документы мужества и героизма. С.143; Челябинский государственный педагогический университет. С. 88.
- ³⁰ См.: Усольцева Н.Л. Кадровые проблемы в здравоохранении Челябинской области и их решение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 246.
- ³¹ См.: Сперанский А.В. Указ. соч. С. 37.
- ³² Там же. С. 48; Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1981. С. 321–322, 326–327, 329–331.

А.В. Сперанский
Екатеринбург

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГОДЫ ВОЙНЫ: ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Русская Православная Церковь на протяжении всей своей истории неоднократно переживала вместе со своим народом беды и тяготы войны. Страницы истории Российского государства наполнены примерами живого и действенного патриотизма духовенства и верующих. Патриотическая преемственность прослеживается от славных деяний Сергия Радонежского до наших дней. Православное духовенство было идейным вдохновителем национально-освободительной борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, поднимало патриотические силы страны на изгнание польских и шведских интервентов в «смутные времена», внесло заметный вклад в разгром армии Наполеона в Отечественной войне 1812 г. В период Крымской войны 1853–1856 гг. Русская Православная Церковь в лице сестер Крестовоздвиженской общины способствовала зарождению движения милосердия, в годы Первой мировой войны осуществляла совместную благотворительную деятельность с Российским обществом Красного Креста.

Великая Отечественная война стала новым этапом в истории русского православия, которое в очередной раз показало свою самоотверженность, духовную стойкость, безграничную любовь к Родине и непоколебимую уверенность в победе над ее врагами.

Позиция Православной Церкви была предельно четко и ясно определена ее руководством. Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Сергием (Страгородским) в первый же день войны обратился ко всем верующим с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ к объединению в борьбе с ненавистными захватчиками и выразил уверенность в окончательной победе. «Православная наша Церковь, – говорилось в “Послании”, – всегда разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»¹.

Патриотическая позиция церковного руководства нашла полную поддержку во всех православных епархиях, благочинных округах и приходах страны. В храмах повсеместно служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...». Среди верующих проводился сбор средств на нужды обороны. Взносы в фонд обороны православных общин к концу 1944 г. составили более 200 млн рублей, а к окончанию военных действий достигли 300 млн рублей². Кроме денег верующие собирали теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, носки, ватники и тому подобное.

Великая Отечественная война явилась новым этапом в развитии церковно-государственных отношений в нашей стране. Первоначально, несмотря на патриотическую позицию, занятую Русской Православной Церковью, отношение к ней со стороны государства изменилось мало. Прекратилась лишь воинствующая антирелигиозная пропаганда, но преследования, выражавшиеся в закрытии культовых учреждений, государственной дискриминации духовенства и верующих, продолжались. Однако грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Сталинскому руководству стало предельно ясно, что для того, чтобы выстоять в смертельной схватке с врагом, необходимо мобилизовать все внутренние патриотические и антифашистские силы. Православную Церковь необходимо было привлекать к этой борьбе хотя бы потому, что, по данным предвоенной переписи, почти 50 % взрослого населения страны (41,6 млн чел.), несмотря на все гонения против религии, продолжали считать себя православными³.

Принципиальные изменения в церковно-государственных отношениях произошли в феврале 1943 г., когда Сталин в ответ на просьбу митрополита Сергия (Страгородского) разрешил церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло Русской Православной Церкви статус юридического лица, отнятый у нее еще декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Окончательный же поворот государства лицом к религии произошел после знаменитой встречи Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) и Председателя Государственного Комитета обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами СССР И. В. Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Уже через 4 дня после беседы в Кремле, 8 сентября 1943 г., состоялся Архиерейский Собор. При участии 19 архиереев, многие из которых были доставлены в Москву прямо из лагерей и ссылок, Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) был единодушно выбран Патриархом Русской Православной Церкви. Собор избрал также Священный Синод и вынес постановление, осуждающее коллаборационистов⁴. 19 сентября 1943 г. в кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация Патриарха. После избрания Патриарха процесс нормализации взаимоотношений между Православной Церковью и Советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. И. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви». Председателем вновь созданного государственного органа был утвержден полковник НКГБ Георгий Григорьевич Карпов⁵.

Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он ни в коей мере не будет выполнять руководящих и контролирующих функций по отношению к Русской Православной Церкви. Однако на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный Синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв Соборов, определение управленческой структуры церкви, утверждение правящих архиереев, назначение епархиальных епископов, направление в приходы священников, открытие храмов, духовных учебных заведений и многие другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться Правительством⁶.

Однако контроль над духовенством, осуществляемый при помощи Совета, на наш взгляд, нельзя рассматривать только с отрицательной стороны. Нередко государственное регулирование религиозной сферы давало

позитивный эффект. Тот же Совет защищал верующих и священнослужителей от незаконных действий местных властей, выступал с инициативами перед Правительством о расширении прав церкви, предоставлении ей тех или иных льгот. С участием Совета были подготовлены и приняты многие правительственные документы, оказавшие положительное влияние на процесс укрепления позиций Русской Православной Церкви в обществе и нормализации государственно-церковных отношений.

Огромное значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное Правительством 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церковей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании конца 20–30-х гг. у верующих появилась возможность восстановить деятельность некогда закрытого культового учреждения⁷.

Отметим, что все шаги, направленные государством в этот период навстречу церкви, не носили случайного характера, а являлись одобрением той патриотической позиции, которую она заняла в сложных условиях военного времени. Все мероприятия, осуществленные властью в суровые для страны годы в целях укрепления цивилизованных контактов с Русской Православной Церковью, являлись выражением позитивных изменений в ее религиозной политике⁸. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 30-х гг., открытие культовых учреждений и духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили к концу Великой Отечественной войны значительно улучшить положение православия в нашей стране, что наглядно иллюстрируют приводимые ниже статистические данные. Анализ приведенных в таблице цифр показывает, что новая религиозная политика большевистского государства дала возможность Русской Православной Церкви за годы войны обеспечить почти 100 %-й рост практически по всем основным показателям своего развития.

Количественные показатели развития Русской Православной Церкви за 1941–1945 гг.⁹

Показатели	1941 г.	1945 г.
Количество епархий	31	58
Численность архиереев	25	61
Численность священников	6376	9254
Количество церквей	4500	10547
Количество духовных учебных заведений	0	3
Количество церковных периодических изданий	0	1

Невысокий по сравнению с другими показателями процент численного роста священнослужителей среднего и низшего звена, на наш взгляд, объясняется значительными потерями в их составе, вызванными довоенными репрессиями. Быстро восстановить утрату не представлялось возможным из-за недостаточного количества духовных учебных заведений, начавших свою деятельность только со второй половины Великой Отечественной войны, и довольно длительного срока обучения в них. Отметим также, что в сравнении с дореволюционным периодом количество православных храмов и священнослужителей к концу войны не выглядит столь внушительно и составляет соответственно лишь 13 и 14 % от уровня 1916 г. Это еще раз подтверждает то, что большевики даже в рамках «нового курса» не отказывались от целенаправленной политики по «сдерживанию религиозных чувств».

Все эти позитивные изменения не могли не коснуться Уральского региона. В эти годы здесь также возобновляется деятельность православных епархий, происходит процесс открытия культовых учреждений, воссоздания приходов, церковных общин, упрочивается их общественный статус и экономический базис. К марту 1944 г. под эгидой Московской Патриархии с согласия Правительства и Совета по делам Русской Православной Церкви на Урале вновь начинается официальное функционирование четырех епархий, границы которых практически совпадали с гражданским административно-территориальным делением региона. В Молотовской области стала действовать Молотовская епархия, куда на пост Епархиального Архиерея, при согласовании с Советом по делам Русской Православной Церкви, был назначен епископ Александр (Толстопятов) с присвоением ему титула Молотовский и Соликамский. Свердловская епархия первоначально охватила две уральские области – Свердловскую и Челябинскую. Архиерейскую кафедру здесь возглавил епископ Варлаам (Пикалов), получивший титул Свердловский, по городу, где находились его резиденция и кафедральный собор. Была восстановлена деятельность Удмуртской епархии во главе с архиепископом Сарапульским Иоанном (Братолюбовым), продолжила работу Башкирская епархия, руководимая архиепископом Уфимским Стефаном (Проценко). Только после войны официально была зарегистрирована Чкаловская епархия, хотя ее руководитель – епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил (Лемешевский) именно в военные годы проделал огромную работу по возобновлению религиозной пропаганды в Чкаловской области, способствовал возрождению культовых учреждений, полностью закрытых в довоенный период.

Все вышеназванные уральские архиереи приступили к своим обязанностям после заключения в сталинских лагерях, попав под амнистию, связанную с изменением религиозной политики государства. Каждый из них был высокообразованным человеком, накопившим огромный профессиональный и просто житейский опыт. Епископ Свердловский Варлаам (в миру Пикалов Константин Васильевич) до уральского назначения получил высшее духовное образование в Московской духовной академии, преподавал в Новгородской семинарии, являлся помощником инспектора Казанской духовной академии, наместником Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря, настоятелем Калязинского монастыря, викарием Тульской епархии, епископом Ефремовским, Каширским, Рыбинским, Новосильским, имел сан архиепископа, полученный в 1936 г. Не менее богат был послужной список и других руководителей православных епархий Урала. Епископ Молотовский Александр (в миру Толстопяттов Александр Михайлович) служил архимандритом, настоятелем ряда пермских церквей, являлся епископом Алма-Атинским¹⁰; архиепископ Сарапульский Иоанн (в миру Братолюбов Иван Васильевич) имел степень кандидата богословия, работал в Казанской духовной академии.

Интересно, что некоторые уральские «отцы церкви» имели высшее светское образование и ранее владели престижными мирскими профессиями. Так, епископ Молотовский Александр в молодости был офицером российского флота, епископ Чкаловский и Бузулукский Мануил имел высшее библиотечное образование, а возглавивший в конце войны Свердловскую епархию епископ Товия (в миру Остроумов Александр Ильич) получил университетское образование и работал археологом¹¹.

Высокий уровень интеллекта, отличная профессиональная подготовка, недюжинные организаторские способности давали возможность руководителям православных епархий Урала умело использовать благоприятную для церкви ситуацию и, находя компромисс с органами государственной власти, вести осторожную политику, направленную на реставрацию былого влияния духовенства на общество.

Однако их деятельность не была в полной мере самостоятельной. Сталинское государство зорко следило за возрождением религиозной активности населения, стремясь использовать его в своих интересах. Поэтому наряду с Советом по делам Русской Православной Церкви, контролирующим этот процесс из центра, на местах, с целью практической реализации его директив, был создан институт уполномоченных по религиозным вопросам. Согласно Положению о Совете, утвержденному 7 октября 1943 г., в каждой союзной, автономной республике, крае

или области при высшем исполнительном органе власти (Совете народных комиссаров, исполнительном комитете областного или краевого Совета депутатов трудящихся) вводилась должность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви¹². Подчиняясь напрямую руководству Совета, уполномоченный при согласовании с местной администрацией обязывался осуществлять наблюдение за религиозной обстановкой на вверенной ему территории. Практически все действия уполномоченного определялись специальной инструкцией, утвержденной Советом 5 февраля 1944 г.

Круг обязанностей уполномоченного сводился к следующему: установление контроля за своевременным принятием к исполнению всеми местными органами власти законов и постановлений Правительства, относящихся к жизнедеятельности Русской Православной Церкви; осуществление учета всех действующих и закрытых культовых учреждений и определение возможности их использования по назначению; рассмотрение заявлений – ходатайств верующих об открытии церквей, молитвенных домов и выработка предварительного заключения для решения этих вопросов со стороны органов власти; представление в Совет по делам Русской Православной Церкви, в высшие исполнительные органы власти республики, края, области необходимой информации (поквартальных отчетов, статистических сводок) о состоянии религиозных дел на подконтрольном ему участке¹³.

Смена государственных ориентиров в отношениях с Русской Православной Церковью обозначила проблему восстановления старых и открытия новых культовых учреждений. В различные органы власти стали поступать сотни заявлений от верующих с подобного рода просьбами. Однако в подавляющем большинстве случаев местные органы власти старались или строго придерживаться буквы закона, отправляя ходатайство верующих через все бюрократические круги, или по инерции продолжали принимать меры, не допускающие возрождения религиозных традиций на вверенных им территориях.

Причины отказа могли быть разнообразными, но самым веским поводом считалось отсутствие подходящего для совершения религиозных ритуалов помещения. Церкви, занятые под культурно-просветительские учреждения (школы, библиотеки, клубы, кинотеатры), помещения сети торговли и бытовых услуг (магазины, прачечные), производственные цеха оборонного направления, воинские объекты, возвращать приходским общинам строго запрещалось. Не используемые государством бывшие церковные помещения, как правило, находились в аварийном состоянии, что тоже являлось веским аргументом для

отказа. Отклонение ходатайства могло произойти из-за неправильного оформления необходимых документов. Уполномоченные по делам Русской Православной Церкви вынуждались вышестоящим руководством к выполнению нелепых требований по соблюдению секретности документации. Поэтому во всех регионах страны постановление Правительства «О порядке открытия церквей» (от 28.11.1943 г.) доводилось до духовенства и верующих только на основе «устных разъяснений». По этой причине очень часто все необходимые для возобновления деятельности храма документы оформлялись не в соответствии с установленными правилами и, естественно, не принимались к рассмотрению.

Кроме того, власти отказывали в просьбе, ссылаясь на недостаточное число верующих или наличие на вверенной им территории уже действующей церкви. Так, Свердловский облисполком не разрешил открыть церковь в селе Волчово Каменского района, мотивируя отказ тем, что «заявители не отражают настроения большинства населения района»¹⁴. Пытаясь найти различные поводы и предлоги для отклонения ходатайств верующих, местные власти просто стремились реализовать на практике негласную установку Москвы о положительном решении не более 20 % заявлений. В итоге, нетрудно представить, что из огромного количества заявлений, обрушившегося на власти с конца 1943 г., большинство отклонялось на месте и только незначительная часть направлялась на рассмотрение Совета по делам Русской Православной Церкви и окончательное утверждение Правительства, что, кстати, также не гарантировало их положительного решения.

За период с 1944 по 1945 г. верующими пяти областей и двух автономных республик Урала в адрес местных и центральных властей было направлено, по неполным данным, 816 заявлений с просьбами об открытии церквей, 737 из них, то есть 90,3 %, были отклонены, причем 650 заявлений (79,7 %) не получили положительной резолюции уже на областном или республиканском уровне. Из 2 448 православных храмов, закрытых большевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило всего 3,6 %. 2 304 церкви (94,1 %) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь сильнейшему разрушению¹⁵.

Таким образом, тяжелые годы Великой Отечественной войны, обрушившие на российский народ целую серию военно-политических, социально-экономических, материальных и духовных испытаний, после длительного периода вражды и недоверия обозначили реальную возможность государственно-церковного компромисса. Советское госу-

дарство и Русская Православная Церковь нашли приемлемые точки соприкосновения, продемонстрировав целый ряд практических шагов взаимовыгодного сотрудничества.

Большевистский режим стремился нормализовать отношения с церковью, чтобы обеспечить морально-политическое единство народа, не допустить использование церкви в качестве «пятой колонны» в тылу, использовать православный фактор в международных отношениях, установить всеобъемлющий контроль за действиями духовенства и верующих. Все это значительно легче было осуществить при легализации церкви, чем при ее запрете.

В свою очередь Русская Православная Церковь пошла навстречу государственным экспериментам в области религии, чтобы извлечь максимальную выгоду из смены державных приоритетов. Уступки со стороны государства давали церкви надежду на ее сохранение в качестве общественного института. К тому же политика государственного контроля за религией была для церкви, конечно, терпимее, чем политика ее тотального искоренения.

Примечания

- ¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 17; Русская Православная Церковь: Сб. церковных документов. М., 1943. С. 4; Kolarz W. Religion in the Soviet Union. London, 1961. P. 59.
- ² См.: Журнал Московской Патриархии. 1944. № 11. С. 11; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 29.
- ³ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106–115.
- ⁴ См.: Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 121, 122, 124.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- ⁶ Там же. Д. 2. Л. 55.
- ⁷ Там же. Д. 1. Л. 26, 27.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 50, 53; Цыпин В. История Русской Православной Церкви... С. 138–140; Fletcher W. A study in Survival (The Church in Russia 1927–1943). London, 1965. P. 98.
- ⁹ Таблица составлена автором по архивным и опубликованным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 18, 37; Д. 4. Л. 1, 1 об, 2, 2 об, 3, 5, 6, 24, 28; Д. 32. Л. 4, 4 об, 5; Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 42; Цыпин В. История Русской Православной Церкви... С. 108.
- ¹⁰ См.: Нечаев Г. М. Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995. С. 109.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 2, 3, 36, 37.
- ¹² Там же. Д. 1. Л. 12.
- ¹³ Там же. Д. 2. Л. 11; Д. 1. Л. 12; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 11; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5309. Л. 29.
- ¹⁵ См.: Сперанский А.В. В горниле испытаний: Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург. 1996. С. 283; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25, 26.